

Максим Горький

Яков Богомолов

Максим Горький
Яков Богомоллов

«Public Domain»

начало 1910-х

Горький М.

Яков Богомоллов / М. Горький — «Public Domain», начало 1910-х

Впервые напечатано в книге «Архив А. М. Горького», том II, Пьесы и сценарии, Гослитиздат, М. 1941. Время работы М. Горького над пьесой неизвестно. Пьеса написана по старой орфографии с употреблением твёрдого знака, следовательно, не позднее 1917 года. На основании ряда косвенных данных рукопись предположительно датируется началом 1910-х годов. Пьеса не была закончена М. Горьким; рукопись её содержит три действия и начало четвёртого.

Содержание

Действующие лица	5
I действие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Максим Горький

Яков Богомоллов

Действующие лица

Яков Сергеич Богомоллов.

Ольга Борисовна, его жена.

Никон Букеев, землевладелец, похож на актёра, бритый, ленивый.

Нина Аркадьевна, вдова инженера.

Онкль Жан.¹

Борис Ладыгин, молодой человек со средствами.

Верочка Трефилова, родственница Букеева.

Дуняша, горничная.

Стукачёв, лакей.

¹ дядя (франц. oncle) – Ред.

I действие

Хутор Букеева. Большая комната – часть задней стены её вся из стёкол, выходит на террасу, тоже застеклённую. В правой стене две двери в комнаты Якова и Ольги, в левой – комнаты Букеева. В правом углу – фонарь, он, обрезав террасу, выходит в сад. В нём стоят широкие тахты, низенькие столики для кофе и табака, – небрежная претензия на восточный стиль. На стенах большой комнаты много картин, этюдов, разные полочки, на них статуэтки, вазы, фарфор и тут [же] образцы различных горных пород. Всего много, но всё размещено безвкусно, неумело. Мебель разнообразна, немало дачной, плетёной. Комната служит столовой, – посреди неё большой овальный стол. В левом углу письменный стол.

Утро, только что взошло солнце. Сквозь стёкла террасы видны рыжие холмы на горизонте, тополя и кипарисы в саду. На террасе сидит в плетёном кресле **Верочка Трефилова**, закутана в серую шаль. Она встаёт, смотрит сквозь стёкла, приложив к ним лицо и ладони, уходит влево по террасе. Затем в двери террасы является **Богомолов**, отпирает дверь, торкается в дверь столовой. Он одет элегантно, легко и красиво движется, у него остренькая борода, большие глаза задумчивы и насмешливы. Разговаривая, он всегда смотрит прямо в лицо собеседника. Но на всём, что он делает, есть налёт какого-то комизма или чего-то детского. Из правой двери выходит **Верочка**, отпирает дверь.

Богомолов. Спасибо. Уже встали или ещё не ложились?

Верочка. Не ложилась.

Богомолов. Бессонница? (*Снимая перчатки.*)

Верочка. Жалко было спать в такую ночь. А Ольга Борисовна осталась в городе?

Богомолов. Да, она с Букеевым и компанией.

Верочка. А вы – верхом, один?

Богомолов. Один.

Верочка. Я видела вас в степи.

Богомолов. Да?

Верочка. Я всю ночь сидела на террасе.

Богомолов. Не холодно? После полуночи дул ветер. А что – нельзя сварить кофе?

Верочка. Я сейчас сварю. (*Быстро уходит.*)

Богомолов. Позвольте, зачем же вы? Вероятно, Дуняша уже встала?

Верочка (*невидимая*). Ничего.

Богомолов (*смотрит вслед ей, насвистывая, озабоченно думает вслух*). Очень милая девушка... Утром очень хорошо встретить такую... сама – точно утро. (*Ходит, разглядывая картины, напевает.*)

Стукачёв (*входит, кланяясь*). Доброе утро.

Богомолов. Стукачёв? Что вы?

Стукачёв. Намерен комнаты убирать.

Богомолов. Намерение, вполне достойное своей цели. Желаю успеха. Вы – женаты?

Стукачёв. Не имею счастья, но вскорости хочу.

Богомолов. Все, не имеющие счастья, жаждут такового. Я вам мешаю?

Стукачёв. Помилуйте.

Богомолов. Милую. (*Уходит на террасу.*) Вы стихов не пишете?

Стукачёв (*ухмыляясь*). Зачем же-с?

Богомолов. Ясно, что не пишете, – те, которые пишут, не спрашивают – зачем.

Стукачёв. У нас повар был – он писал. Смеялись над ним.

Богомолов. Смеялись?

Стукачёв. Весьма. Даже до свирепости доводили его. А Никон Васильич однажды ударили его по затылку палкой...

Верочка (*вносит кофе*). Вы слышите – едут!

Богомолов. Благодарю вас, милый человек... Но – глаза у вас покраснели от бессонной ночи и лицо бледное...

Верочка. Умоюсь – пройдёт. (*Уходит поспешно, по пути заглядывая в зеркало.*)

Стукачёв (*осторожно*). Они плакали, вот отчего глаза у них... Я иду через кухню, а они стоят у окна и – плачут.

Богомолов. Девушки часто плачут беспричинно.

Стукачёв. Скука, главная вещь. Пойду встречу...

Богомолов (*помешивая кофе, напевает*).

Сегодня и завтра...

(*На террасу шумно входят Ольга, Нина, Букеев, Ладыгин, дядя Жан.*)

Ладыгин (*Нине*). Мы, спортсмены, на всё смотрим с чисто физической точки зрения...

Букеев. Седьмой час, а уже начинается жара.

Ольга. Это вы воображаете.

Букеев. Не люблю юг...

Нина. А кого вы любите?

Дядя Жан. Не скажет. Но я знаю кого.

Букеев. Ты всё знаешь, кроме того, что должен знать.

Дядя Жан. Не сердись, Юпитер.

Ольга (*мужу*). Давно дома?

Богомолов. Несколько приятных минут.

Ольга. Что ты делал?

Богомолов. Здесь? Беседовал со Стукачёвым – решительно умный человек. А теперь пью кофе. Хочешь?

Ольга. Молока. Никон Васильевич, скажите, чтоб дали холодного молока.

(*Букеев уходит в дверь направо.*)

Ладыгин. Холодное молоко – вчерашнее. Выпейте парного.

Ольга. Это противно. Стукачёв, позовите Дуняшу ко мне. (*Идёт в свою комнату.*)

Нина (*Богомолову*). Почему вы сбежали от нас, учёный?

Богомолов. Камо бегу от лица твоего?

Нина. Борис Петрович, учёный перешёл со мной на ты!

Ладыгин. Поздравляю вас!

Дядя Жан. Это он по рассеянности, не больше.

Ладыгин (*Жану*). Вы – купаться? Я тоже...

Нина. Мы утомляем вас своим легкомыслием? да?

Богомолов. Внимание дамы не может утомлять.

Ладыгин. Ого! А если ей – за сорок?

Нина. Бухнул! Идите в море и не мешайте нам. Я страшно люблю беседовать с Яковом Сергеичем, ни за что не поймёшь, шутит он или серьёзно говорит.

Дядя Жан. Вот жизнь, она тоже...

Ладыгин. Идёмте, философия не удаётся вам.

Нина. Знаете, – ваша супруга зверски кокетничает с Букеевым.

Богомолов. Да? Зверски?

Нина. О! Страшно!

Богомолов. Это кому – Букееву страшно?

Ольга (*входя*). Я очень извиняюсь, но мне лень переодеваться, – ничего? Я напьюсь молока и лягу спать... А ты?

Богомолов. Пойду купаться.

Ольга. Ну, а что ж твоя вода?

Богомолов. Вода будет, найду.

Ольга. Вот – смотрите: он только что убил три года жизни на то, чтоб бороться с сыростью, – осушал болота в Рязанской губернии, а теперь лет пять будет разводить сырость здесь.

Богомолов. Подожди, когда Букеев построит курорт...

Ольга. Мне вовсе не интересно, что и где намерен строить Букеев...

Нина. Однако вы с ним так кокетничаете, что у него даже уши становятся синими.

Ольга. Уши у него – как у пуделя, без хрящей... точно блинчики. Но – кокетничать я люблю.

Нина. Яков Сергеич, это плохо – кокетничать?

Богомолов. Это – хорошо или дурно глядя по тому, насколько умело кокетничает женщина. Если она проявляет своё обаяние в формах изящных, если каждое слово, движение, взгляд даёт мне, мужчине, ощущение таинственной силы её пола – это прекрасно. В такие минуты весь напрягаешься, точно солдат на параде пред любимым вождём, чувствуешь себя готовым на подвиг...

Нина. Господи! Целая лекция...

Ольга. Вы думаете, он действительно может чувствовать что-нибудь подобное? О нет, он обо всём интересно говорит, но чувствовать – это не его специальность.

Богомолов. Хорошо она рекомендует меня?

Нина. Не верю! Слова рождаются чувствами. Продолжайте, Яков Сергеич, она может идти спать.

Ольга. Ты что же, водопроводчик, не предлагаешь мне кофе? Сам – пьёт, а...

Богомолов. Но ведь ты хочешь молока.

Ольга. Эгоист...

Букеев (*вх[одя]*). Прислуга ещё дрыхнет. Я там всех распёк и Анну Васильевну тоже. Хозяин давно на ногах, мало того – ночь не спал...

Нина. В трудах великих...

Букеев. А вы думаете, легко сделать жизнь приятной?

Нина. Ой, как печально сказано.

(*Дуняша вносит молоко.*)

Богомолов. Никон Васильевич, мне сегодня нужно бы побеседовать с вами...

Букеев. О делах? Успеем, время есть, мы с вами, батенька, много наделаем разного...

Богомолов. Есть один сложный вопрос.

Букеев (*махая рукою*). Их – сотни, сложных вопросов. Вы лучше с дядей **Жаном** поговорите – если дело идёт о земле и воде.

Богомолов. Хорошо.

Нина (*Букееву*). Вы устали?

Букеев. Да. Лет пятнадцать назад тому.

Нина. Что с вами?

Букеев. Да вот – устал...

Нина. Отчего?

Букеев (*идя на террасу, всматривается в даль*). Не знаю.

Ольга (*мужу*). О чём мечтаешь?

Богомолов. Так, ни о чём...

Ольга. Почему ты ушёл от нас?..

Богомолов. А меня этот заинтересовал... студент, – удивительный пессимист.

Ольга. Расскажи мне о нём.

Богомолов. А спать когда будешь?

Ольга. Я не хочу спать.

Богомолов (*барабанив пальцами*). О студенте немного скажешь. Меня заинтересовало его невежество и удивительная самонадеянность.

Ольга. Ты найдёшь здесь воду?

Богомолов. Конечно.

Ольга. Скоро?

Богомолов. Думаю – да!

Ольга. И всё здесь оживёт, да?

Богомолов. Разумеется. В этом цель моих работ.

Ольга. Будут парки, сады...

Богомолов. Бесплодной почвы – нет, и Сахару можно сделать плодородной, если работать упорно, с любовью. Земля – как человек, требует внимания, любви. И чем бескорыстнее любовь, тем богаче дары её. Ты посмотри: когда человек чувствует, что его любят, – как расцветает его душа в свете любви! Влюблённые и любящие всегда талантливы, ярки. Если ты полюбишь даже бездарного человека, и он сумеет почувствовать твою любовь...

Ольга (*усмехаясь*). Не попробовать ли мне полюбить бездарного, а?

Богомолов (*гладя её плечо*). Ты уже однажды сделала это, полюбив меня.

Ольга (*вздыхнув*). Ох, ты, к сожалению, не бездарен.

Богомолов (*смеясь*). Как ты сказала это...

Ольга (*вздыхнув*). Ты наивен, как дитя, – но ты даровитый человек.

Богомолов. И это тебя огорчает...

Ольга (*серьёзно*). Может быть.

Богомолов. Не понимаю...

Ольга. Очень жаль. Послушай, – ты видишь, что этот Букеев относится к тебе снисходительно?

Богомолов. Вижу.

Ольга. Тебя это не шокирует?

Богомолов. Да ко мне почти все так относятся... и ты и даже этот Ладыгин.

Ольга. Он бездарен, не правда ли? (*Улыбаясь, смотрит на мужа.*)

Богомолов (*убеждённо*). О да! Чрезмерно!

Верочка (*входит*). Здравствуйте!

Ольга. Здравствуйте, Верочка. Почему бледная такая?

Верочка. Пришёл машинист с артезианского колодца, просит вас.

Богомолов. Иду. Вероятно, бурильщики отказались работать, – ужасно кормят их! (*Вере.*) Вы не знаете, где дядя **Жан**?

Верочка. Пошёл в оранжерею. (*Хочет идти.*)

Ольга. Почему вы такая усталая, бледная, Верочка?

Верочка. Не знаю.

Ольга. Посидите со мной, мне скучно.

Верочка. На террасе Никон Васильевич с Ниной Аркадьевной.

Ольга (*хмурясь*). Вам не хочется посидеть со мной?

Верочка. Нет, почему же? (*Присела.*)

Ольга. У вас такой вид, как будто вы влюбились в Ладыгина.

Верочка (*натянута усмехаясь*). Именно в Ладыгина?

Ольга. А в кого же ещё можно влюбиться здесь?

Букеев (*идёт с террасы*). Ольга Борисовна, как мы проведём сей день, его же сотвори господь? Возрадуемся и возвеселимся снова, да?

Ольга. Откуда вы знаете столько церковных слов?

Букеев. А у меня служил в сторожах расстриженный дьякон, пьяница и лентяй, я очень любил беседовать с ним.

Нина. Около вас всегда удивительно забавные люди.

(Верочка встаёт, уходит. Ольга задумчиво смотрит вслед ей.)

Букеев. Н-ну, где же они?

Нина. А дядя **Жан**?

Букеев. Да, – он, конечно... *(Ольге.)* Вы знаете, – он был моим репетитором, готовил меня в политехники. Мне тогда было двадцать два года. О чём вы задумались?

Ольга. Я слушаю.

Букеев. Но мы гораздо усерднее изучали кафешантаны, чем науки. Потом он поехал со мной за границу, и вот уже двадцать четыре года мы надоедаем друг другу. Он тоже лентяй.

Нина. Разве вы – лентяй?

Букеев. Конечно. Я человек ленивый, жирный и лирический.

Нина. Вы клевете на себя.

Букеев. Я люблю печаль. Но и печаль у меня тоже масляная какая-то, жирная.

Ольга *(оглядываясь)*. Какие у вас неинтересные картины.

Букеев. Я ничего не понимаю в живописи.

Ольга. Зачем же покупаете это?

Букеев. Пристают. **Жан** говорит: «Богатый человек должен поощрять искусство». Я и поощряю.

Нина. Расскажите ещё что-нибудь про себя.

Букеев. Да я же про себя и говорю. Больше ни о чём не умею.

(Жан на террасе с букетом цветов. Увидев Нину, прячет букет за спиной, исчезает и входит уже без букета.)

Нина. Нет, вы что-нибудь интимное...

Жан. Для интимных бесед природой предназначены вечера и ночи, утром же свободные люди наслаждаются природой, а трудолюбивые трудом. Почему вы сидите здесь, а не на берегу, не в саду? Шли бы на воздух, там земля пахнет пряником, море шёлковое, жаворонки поют «Коль славен».

Нина. А где Ладыгин?

Жан. Лежит голый на песке и дремлет. Выкупался, проделал гимнастику...

Букеев. Он просто живёт.

Нина. Как и следует.

Жан. Совершенно верно.

Ольга. А кто вам мешает просто жить?

Букеев. Не знаю. Вероятно – лень.

Ольга. Мне кажется, вы немножко кокетничаете.

Букеев. В моём возрасте этим не занимаются.

Нина. Уж будто бы!

Жан. А где наш высокоучёный?

Ольга. К нему там кто-то пришёл жаловаться, что рабочих плохо кормят, они не хотят работать.

Букеев *(сконфужен)*. Не может быть. Жан, как же это, а? Второй раз...

Жан. Сию минуту распоряджусь, чтоб им нажарили котлет де-воляй и прочего, соответственно.

Букеев *(Ольге)*. Вы так сказали... вас интересуют рабочие?

Ольга. Нисколько.

Нина. Но вы говорили так сердито.

Ольга. Разве? Извиняюсь. Мне спать хочется. *(Встала, идёт к двери в свою комнату, остановилась и проходит в фонарь.)*

Нина *(тихо)*. Капризная женщина. И не очень воспитана.
(Букеев молчит, исподлобья наблюдая за Ольгой.)

Нина. Вы замечаете, что Ладыгин волнуется её?

Букеев. Это неправда. *(Встал.)*

Нина. Она пошла смотреть на него...

Букеев. Пойдёмте, погуляем.

Нина. О, с удовольствием.

(Уходят через террасу. Ольга в фонаре², курит и тихонько напевает. Входят Жан и Богомолов.)

Жан. Дорогой мой, я тоже – идеалист, уверяю вас! Я понимаю всё это: рабочий вопрос, социальная справедливость и прочее... Конечно же, о господи! Мы наделали законов для наших знакомых, а сами обходим законы стороной, – чтобы не задевать их, знаете.

Богомолов. Тем более, уж если вы понимаете это.

Жан. Да – понимаю же! Но – всё-таки необходимо иногда приказывать людям. Или – так, или – до свидания!

Богомолов. Приказывать я не умею, могу только советовать или убеждать.

Жан. Всего убедительнее – страхи. Государство держится страхами, – это факт! Вы рассуждаете как социалист, как человек преждевременный. Жизнь – поверьте мне – очень запутанная штука, кто в этом виноват – неизвестно. В поисках виноватого хватают богатого, но – ведь это только потому, что он виднее.

Богомолов. Забавно вы говорите.

Жан. А, боже мой! Я знаю жизнь, и она меня знает!

Богомолов. И многое у вас очень метко...

Жан. Так вот, дорогой мой, вы не беспокойтесь, – всё устроится, всё будет по-хорошему... Мы, идеалисты, понимаем друг друга с двух слов. Сейчас я распоряжусь насчёт улучшения харчей.

Богомолов. К завтраму я составлю смету.

Жан. Да вы не торопитесь... *[(Уходит.)]*

(Богомолов, допивая остывший кофе, хмурится, бормочет что-то.)

Ольга. Ты что говоришь?

Богомолов *(заг[лядывая] в фонарь)*. Я думал, здесь никого нет.

Ольга. Твоя привычка разговаривать с самим собой когда-нибудь поставит тебя в неловкое положение.

Богомолов. Ты думаешь? Впрочем – возможно. Ты что не спишь?

Ольга. Мечтаю.

Богомолов. О чём?

Ольга. О тебе.

Богомолов. О? Разве?

Ольга. Удивительный у меня муж, чёрт возьми, думаю я... с восторгом. Я целую ночь где-то кутила и вообще веду себя весёлой вдовой, а он – спокоен. Он так уверен в моей любви... Спасибо ему.

(Богомолов, опер[ишись] на угол стола, задумчиво слушает, покручивая бородку.)

Ольга. Он упивался мечтами, она шампанским, и всё шло благополучно, – так начала бы я рассказ, если б умела писать.

Богомолов. Попробуй.

² здесь фонарь – выступ в здании на весу, башенка с окнами, привешенная к стене – Ред.

Ольга (*вых[одит] из фонаря, подход[ит] к нему, кладёт руку на плечо*). А что бы ты сказал, если б я полюбила другого?

Богомолов (*серьёзно, вдумчиво*). Что бы я сказал? Не знаю. Никогда не думал об этом.

Ольга. Подумай.

Богомолов. Зачем же? Разве...

Ольга. Всё может быть.

Богомолов. Ты шутишь, Оля.

Ольга. Да.

Богомолов. Шутишь, я уверен. Хотя...

Ольга. Что – хотя?

Богомолов. Не умею сказать.

Ольга. Если сказано – хотя, так значит, ты не очень уверен... Не очень! Ну... это хорошо. Спасибо. Поцелуй меня.

Богомолов. За что же спасибо?

Ольга. Пойми. (*Уходит, смеясь.*)

Богомолов (*вслед ей*). Желаю тебе хорошенько отдохнуть, а то у тебя, кажется, нервы не в порядке.

Ольга. О, конечно, нервы... (*Уходит.*)

(*Дуняша и Верочка.*)

Верочка. Ольга Борисовна легла спать? Вот ей цветы от Никона Васильевича. Подайте, Дуняша.

Богомолов (*трёт лоб*). Мне нужно о чём-то спросить вас... забыл!

Верочка. Жалею. (*Идёт в угол к письменному столу.*)

Богомолов (*за ней*). Да! О чём вы плакали утром?

Верочка. Я? Как вы знаете?

Богомолов. Мне Стукачёв сказал.

Верочка. Не всё ли вам равно?

Богомолов. О, боже мой. Вот не ожидал, что вы так ответите.

Верочка. А чего вы ожидали?

Богомолов. Не знаю. Меня это поразило. Такое прекрасное утро, всё так ярко, празднично, вы такая юная, красивая, так ласково встретили меня, и вдруг является лакей и говорит с улыбкой дурака: «А она плачет!» Ужасно нелепо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.